

КЛУБНЫЕ ВСТРЕЧИ

ИЗНОСИВ ТРИДЦАТЬ КЕПОК,
СДЕЛАЛ МЕТАЛЛИЧЕСКУЮ

Олег попов: Я СИДЕЛ НА СКАМЬЕ ПОДСУДИМЫХ

Он встретил меня как родного: «За все эти годы из российских журналистов — ты первый, кто до меня добрался!» А добраться, да и вообще застать Попова дома довольно непросто. Во-первых, жесткая гастрольная сетка. А во-вторых, нужно сначала долететь до Мюнхена, на такси проехать почти 200 км до Нюрнберга, а оттуда — в крохотную, не отмеченную на карте, горную деревушку почти с тысячелетним прошлым — Эглоффштайн. Но и это не все. Попов живет еще дальше — в написанной красоты лесу.

Мне повезло — в Нюрнберг за мной заехала его молоденькая и очень симпатичная жена Габи.

— Ну сколько можно ждать? — прямо с порога накидывается Олег Константинович. — Третий раз бифштекс «по-русски» подогреваю. И вот мы в его затворнических хоробах — этаком двухэтажном мини-цирке.

После обильного обеда и экскурсии по комнатам, залам, подвалам и гаражам, Попов, по-ребячески — до ушей — улыбаясь, заводит на цирковую арену.

Здесь мы с Габриэлой репетируем... Но перед тем как отвечать на твои вопросы, покажу одну штуку — номер, с которого лет 60 назад я начинал.

Лихо вскакивает на проволоку, идет... Не хватало только барабанной дробы.

— Олег Константинович, у нас говорят: приехав в Германию, Попов тяжело заболел, живет в бараче, нищенствует...

— Да-да-да! Что я лежу в постели, прокаженный... Ладно, пусть лучше чушь говорят, чем ничего. Ведь если молчат, значит, ты умер. А так «в бараче, но живешь».

— Клоун — профессия редкая. Особенно сейчас, когда уже с детства «только дура» мечтает жонглировать на проволоке, прикидываться дурачком на арене цирка вместо того, чтобы жить припеваючи, провернув сделку на бирже...

— Ой! Сейчас вообще все встало на голову. Я мечтал другим. Когда мама заболела, — стать доктором. В футбол играли и соседке разбили стекло, — стекольным. Обувь не было — сапожником. Увидел самолет — летчиком... А жизнь все равно свое диктует. Я, например, в одиннадцать лет стал слесарем и этому очень рад. Потому что свой реквизит клоун должен делать сам. Вот чем этот дом в Эглоффштайне мне дорог, так это тем, что у меня здесь отличная мастерская. Только что-нибудь придумал, тут же пошел и сделал.

В детстве я все время думал: «Хоть бы не умереть от голода». Тогда у меня была такая мечта: война закончится, и мы с мамой будем пить чай с сахаром, есть белый горючий хлеб с маслом... Хочешь, открою одну свою самую страшную тайну — никогда никому не говорил? Как я стал клоуном!

— Как?

— В цирковую школу я попал из-за хлебной карточки! Я работал во время войны слесарем на полиграфкомбинате («Правда») и получал 550 граммов хлеба, а в цирковой школе давали 650. Вот эта сотка все и решила.

Карандаш взял меня к себе в труппу в пятьдесят первом году. Отсюда у меня любовь к клоунаде, потому что я видел, как он много трудился — из цирка почти не выходил. Все время репетировал, репетировал.

— Говорят, якобы его зажимали, не давали званый...

— С Карандашом случай особый. Когда над клоуном смеются в цирке — это понятно. Но когда это преследует тебя в жизни, как это было с ним, постоянное хи-хи-ха-ха, куда ни пойдешь... И он, конечно, уединялся. Другой у него почти не было. Ну и какая радость-то! Наливай! Когда встал вопрос, давать или не давать Карандашу звезду Героя Соцтруда, Фурцева сказала: «Давать! Кто он же не просыхает!» А кто тогда не пил?! Она сама была не последняя по этой части... Потом, конечно, ему дали и звание, и Звезду, но с каким скрипом! А ведь в то время никто не пользовался такой популярностью, как Карандаш.

Это сейчас, кажется, поменьше в цирке стали пить, но раньше!.. Зритель приходит к тебе с благодарностью за спектакль обязательно с бутылкой. И если ты с ним не выпил, ты не артист, а дерьмо. Я говорю: «Не могу, мне еще репетировать». «Да ты че, Олег! Ты сегодня здорово поработал, давай мы же обалдеть! Такая опасная работа — без страховки, без всего. И не падали.

— Клоуны тоже... для поднятия духа?

— Не все. В основном старики, в выходной день. Тогда, если после выходного ты не синий, значит, плохо отдохнул. «Голова трещит?» «Нет». «Слушаем не заболел? А я вот еле хожу». «Молодец!» Ну кошмар!

— Какая была атмосфера в цирке советского периода?

— Патриотизм. С каким настроением артисты выходили на парад, эйло! Сейчас так не выходит. Раньше с гордостью выходили.

— Какой у вас стаж в КПСС?

— Ноль!

— Почему, это же была обязательная для артистов такого уровня?

— Во-первых, мой папа в сорок первом году был посажен. Он работал на Втором часовом заводе, и поговаривали, якобы он часы для Сталина делал, а те остановились. Не знаю... Когда маленький был, все жили в страхе. Мама сразу вышла замуж, фамилию поменяла, чтобы нас не преследовали... А во-вторых, я считаю, что клоун не должен зависеть от политического курса.

— Неужели не уговаривали?

— Еще как! Даже угрожали. Но мне удавалось закосить... под придурка.

— Олег Константинович, любопытно было бы взглянуть в ваше каргашное досье.

— Наверное, оно было. Но если бы там было что-то «интересное», мне сразу перекрыли бы все границы... С органами у меня всегда были самые теплые отношения. Как известно, в каждую поездку с нами обязательно ехал «представитель отдела культуры». Были среди них и нахалюги, которые сами провоцировали артистов цирка, создавали дела, чтобы выслужиться. Но в основном это были люди хорошие. И очень смешные. Какие только клички мы им не давали! Одного звали «Чебурашка» — за растопыренные уши. Другого «Стальной челюстью» — у него верхние зубы были из нержавеющей стали. И вот на каком-то банкете сидим с ним рядом, выпиваем. Он говорит: «Олег, почему меня называют «Стальная челюсть?»» Как бы, думаю, выкрутиться... («Держинский», — отвечаю, — был весь железный. А у тебя только одна челюсть!»)

— Шикарная заграничная жизнь — рестораны, шмотки, случайные связи... Было?

— Может, и было. Зато дураков хвататься этим не было. Только пикни среди своих же...

— Стукачи?

— О-о-о!!! Еще какие! В труппе их все знали. И поэтому вели себя очень осторожно. Столько хороших артистов погорело на ерунде. У нас один чулак, вылетая из Парижа, завернул свои старые ботинки в газету «Русская мысль». За это он больше ни разу в жизни никуда не выезжал. И рухнула карьера. А был ведь очень талантливый акробат — из труппы Давейко.

— Сегодняшняя Россия глазами клоуна — это смешно?

— Смех сквозь слезы.

— Если помечтать: вы приехали в Москву. С какой программой? Репризой?

— С самой лучшей! Почему нет? Я представляю, какая встреча будет. Правда, друзья не придут. Они все в гробу лежат. Может, люди придут. А реприза... Что-нибудь про Думу. Там Жириновский все время выступает в клоунаде, мой хлеб отнимает.

— Вы клоун № 1. С первыми лицами государства приходилось встречаться? Скажем, на праздниках, банкетах?

— Нет. Только в цирке. Бывало, директор прибегает, весь дрожит: «Т-там в п-пшп-правительственной л-ложке кто-то сидит. Давай как следует!» Почему как следует? Буду работать, как всегда. Ни с Хрущевым, ни с Брежневым, ни с Андроповым лично я ни разу не сталкивался. И слава Богу! Потому что мои коллеги, которые с высокими людьми были на дружеской ноге, кончили плохо. Известный дрессировщик Рогальский, царство ему небесное, дружил с министром внутренних дел Шелеховым. И когда тот попал в немиловость, Рогальского тоже посадили. Тула же многие ушли. Никогда не забуду, как на суде в перерыве Рогальский кричит мне со скамьи подсудимых: «Олег, иди сюда, чайку попьем!» Я попросился, разрешили.

— Олег Попов сидел на скамье подсудимых?

— Надо же было попробовать своим задом, каково там. Так себе...

— А вас могли посадить?

— Запросто! И меня, и Никулина тянули по «делу Калеватова» — генерального директора Союзгосцирка. Калеватов попросил меня привезти из-за границы диктофон. Разумеется, я не мог отказать. Никулин подарил ему, кажется, часы. Разве это повод, чтобы меня, например, телеграммами вызывать из Сочи, где были аншлаги? Следователь спрашивает: «Вы давали взятку Калеватову, чтобы ездить в загранпоездки?» Я говорю: «Зачем мне давать взятку? Во-первых, я самую большую ставку получаю. Во-вторых, меня не посылают за границу, а просят поехать. Это мне нужно взятку давать, чтобы я согласился!»

— Интересно: что-нибудь убрали из программы по цензурным соображениям?

— Да сущую ерунду! Просто удивительно. Например, запрещали глотать шпаги. Считалось, что это неэстетично.

— Импровизировать разрешали?

— В известных пределах. Все-таки программа отрепетирована, в темпе идет... Помню, в Риге один сидит и читает газету, гад. Я пошел в красный угол, взял подшивку за два года и несую ему — на, мол, почитай. Вот в зале хохот стоял! А если кто засыпает, я ему подушечку.

— В так называемые годы застоя на Западе вы были визитной карточкой СССР, а на родине всенародным любимцем. Скажите честно: пользовались?

— Недавно звонят из Краснодар: «Олег, мы так хотим тебя видеть, приезжай. Гонорар — называй любую сумму. Когда выслать самолет?» Раньше таких разговоров не было. Ну, на вечеринку пригласят — выпить, закусить, туда-сюда. Корабль давали — на выходные по Волге покататься. Придешь на завод, что-то на станке сделать надо — не для себя лично, для цирка, для репризы, никогда не отказывали. «Для Олега все сделаем!» Уважение, любовь я чувствовал, но никогда лишнего себе не позволял.

— Можно ли говорить о таком понятии как «ширковая мафия»?

— Слово «мафия» в моем понимании — бешеные деньги, стрельба, трупы... А в цирке и вокруг цирка, по-моему, еще никогда никого не убивали. Так, может, коррупция маленькая и была, но называлось это другим словом — «блат». А что делать? Это сейчас за деньги все можно купить, а тогда только так: ты мне, я тебе. Через знакомого директора магазина доставишь деликатесы — колбасу, рыбку или икорку. Приезжаешь из-за границы — каждому обязательно надо сувенир. Или даешь контрамарки. Тогда все первые ряды занимали директора магазинов. А мафия... Мафиози машинами крутят, нефтью, наркотиками, а не обречены под куполом цирка.

— По поводу вашей кепки замучили вас, наверное, вопросами? Это правда, что на Западе ее прозвали — «Кепка № 1», «Паспорт СССР», «Клоповка»?

— Ха! Да. А во время моих гастролей в Париже даже устроили их сезонную распродажу — раскупили все! Кепку я нашел в 53-м году на Мосфильме. Снимался цирковой фильм «Арена смель», там была маленькая сценка на пляже, для нее я и присмотрел эту кепку. С тех пор не расстаюсь. Но врут — штук тридцать уже износил. Надоело. Теперь сделал вечную — металлическую.



— Не тяжела ли кепка... Олега Попова?

— Да не чугунная же она. Есть такой материал — «металлика». Очень прочный.

— Вижу в вашем доме почти все «а ля кепка». И кафельные полы, и светильники...

— Даже чайные чашки — можно на них в шапки поиграть!

— Вы когда-нибудь плакали от счастья?

— Это было в Монте-Карло, когда я получил «Золотого клоуна». 1984-й год. Нам вручали премию, и в этот же день в Польше ввели военное положение, вошли советские войска. Но мы ничего не знали! Нас отвезли в Ниццу, дали какие-то деньги на сувениры, обещали прислать автобус. Час ждем, два, три — автобуса нет. А нам выступать... Как добираться — неопределимо. И когда мы вошли в зал, у организаторов шары на лоб: откуда они взялись? Дальше — хуже. Выхожу со своим номером: фонограмму не включают, оркестр играет другую музыку, осветитель вместо меня освещает прожектором стены. И тут... Публика есть публика, все чувствует. Видел бы ты, как она аплодисментами меня поддерживала. Вечером получаю своего «Золотого клоуна», и тут как накатит! Я рыдал, рыдал, рыдал...

— Прямо на сцене?

— Да! Потому что было такое напряжение. Я думал: ну, за что? Политику делают политики, а мы, артисты,

должны отвечать?! Другой случай. Приезжаем в Америку — убивают Кеннеди. Кто? Освальд. Где он был? В Минске — моряком! Значит, русские убили. Неделя вся труппа не вылезала из отеля. Приезжаем на Кубу — в блокаду попадаем. Карибский кризис! Надо уезжать — нас не выпускают. Прилетает Микоян на переговоры, кое-как уговаривает Фиделя отложить ракеты. А нам в это время уже автоматы выдают, мы уже солдаты — война. Ужас!

— Самый курьезный случай в вашей жизни.

— О! Это было в Японии. Мы очень дружили с Волжанским, царство ему небесное, хороший был человек. Умел редкий, левша. По сей день подземно-спусковой аппаратурой в цирке на Цветном бульваре, которую он сделал, с успехом пользуются и будут еще пользоваться не менее ста лет... Мы с ним ходили по улицам, хотели купить по модной курточке, в таких сейчас рокеры на мотоциклах гоняют, на крупной молнии. Заходим в магазин, японского не знаем, но знаками показываем: нужна куртка, вжик-вжик, крупная молния! Продавец выпулился, ни бельмеса не понимает. Мы опять: по животу — вжик-вжик, вверх-вниз. Наконец вроде дошло, схватил мотороллер и укатил. Через полчаса прилетает, улыбка до ушей. Протягивает коробку каку-то. Мы, радостные, открываем, а там — нож для хакири.

— Судя по вашему интервью за последние сорок лет, у «солнечного клоуна» личной жизни не было вообще? Силошная история знаменитой кепки...

— Как это не было! У меня была очень хорошая первая жена, Александра. Красивая, скрипачка по образованию. Мы познакомились в цирке в 1952 году. Она пришла к какому-то парню, мы сидели в гардеробной. Я ему говорю: «Пригласил девушку, хотя бы мороженое ей купи!» Ну так в шутку. А он: «Иди и сам покупай». Я пошел, купил. Потом мы поженились, родилась дочь Ольга.

— Значит, вы сами любовных романов не крутили, женских сердец не разбивали, свое не роняли к их ногам? Все серьезно: угодил мороженым — женился!

— Да некогда было! А сердце еще как ронял! Дело было в Париже, в театре «Олимпия». До нас там выступала Жозефина Беккер — потрясающая актриса, красавица-мулатка, она прославилась еще тем, что воспитывала, кажется, двенадцать сирот разных национальностей. Я знал, что вечером Жозефина придет. И в конце представления «выкинул номер»: прыгнул с проволоки, встал перед ней на колени,

10 лет назад всемирно известный циркач уехал из СССР, а в Россию так и не вернулся

вынул «свое сердце» (вырезанное накануне из огромного куска алкого бархата) и, поцеловав, подарил. Резонанс был колоссальный!

А по-настоящему я любил только двух своих жен. Александра восемь лет назад умерла от рака. Год, по русскому обычаю, я был в трауре, не смотрел ни на одну женщину. Потом вот Габриэль, как говорится, Бог дал. И я вспомнил анекдот. Тонет мужик в реке. Проезжает мимо лодка, с нее кричат: залезай, мол. Мужик отвечает: «Нет. Меня Бог спасет». Через какое-то время вторая лодка, опять кричат: «Ты же утонешь!» Тот снова: «Меня Бог спасет». Потом третья лодка. Мужик и на этот раз отказался и утонул. Попадает к Богу. «Как же так, я тебя просил, а ты не спас!» А Бог ему отвечает: «Это же я тебе три лодки посылал». И вот когда я встретил Габриэль, тогда подумал: может, Габи и есть та самая «лодка».

— Я слышал трогательную романтическую историю о том, как молодая девушка стояла возле цирка и горько плакала из-за того, что не достала билетика «на Олега Попова», мимо шли вы и пригласили ее. Неужели так и было?

— Не совсем. Это было в 1990 году. Габи действительно приехала из Германии в Австрию специально посмотреть на меня. Билетов не было, мест тоже. Но она прошла, стояла на проходе. Я раз вышел, два, три. Стоит. Я говорю: дайте же ей стул. Принесли ей стул из моей гримерной. В антракте она пришла с программкой за автографом. И я, уж сам не знаю почему, попросил у нее телефон... Когда я нашел эту бумажку в мусорном ящике, страшно обрадовался. С помощью переводчика выучил две фразы на немецком языке — «добрый день» и «как вас увидите». И позвонил. Она отвечает: «Я приеду». А так получилось, что наш импресарио, Каниоки, нас бросил, за месяц не заплатил. Работы нет, денег нет. Что делать? В этот момент приехала Габи. И забрала меня вместе с реквизитом. Ей не было тридцати, мне — шестьдесят. Через два года мы сыграли свадьбу.

— Ваши друзья и коллеги в России не считают вас предателем?

— Какой же я предатель?! Мы здесь работаем по контракту! В Германии, Франции, Австрии, Голландии. К тому же у меня здесь семья, дом. Гражданство я менять не собираюсь, у меня был и будет только один — русский паспорт. Я от Родины не отказывался, это Родина от меня отказывается.

— Значит, не вернетесь никогда?

— Почему нет? Там похоронены мои предки, моя бабушка, моя жена. Хоть на могилы сходить...

— И последний вопрос. Карандаш подписал вам фотографию: «Желаю достичь большего, чем я». Добились?

— Я думаю, добились. Почему? Открываю однажды книгу рекордов Гиннеса и вдруг нахожу свою фамилию. Думаю, что я такого рекордного сделал? А там написано: «За большую популярность как на Западе, так и на Востоке». Если верить книге, это большая редкость.

Встречался Андрей КОЛОБАЕВ Москва — Нюрнберг Эглоффштайн — Москва